

Баллады
о Ричарде
Длинные Руки

Ритард Длинные Руки
 Ритард Длинные Руки — воин Господа
 Ритард Длинные Руки — пилладин Господа
 Ритард Длинные Руки — сенюор
 Ритард де Амааффи
 Ритард Длинные Руки — властелин трех замков
 Ритард Длинные Руки — виконт
 Ритард Длинные Руки — барон
 Ритард Длинные Руки — джл
 Ритард Длинные Руки — граф
 Ритард Длинные Руки — бурграф
 Ритард Длинные Руки — ланлорд
 Ритард Длинные Руки — пфалвицграф
 Ритард Длинные Руки — оберлорд
 Ритард Длинные Руки — коннетабль
 Ритард Длинные Руки — маркиз
 Ритард Длинные Руки — кроссграф
 Ритард Длинные Руки — лорд-протектор
 Ритард Длинные Руки — майордом
 Ритард Длинные Руки — маркграф
 Ритард Длинные Руки — лауграф
 Ритард Длинные Руки — фрейграф
 Ритард Длинные Руки — вильдграф
 Ритард Длинные Руки — рауграф
 Ритард Длинные Руки — конюки
 Ритард Длинные Руки — герцог
 Ритард Длинные Руки — эрцгерцог
 Ритард Длинные Руки — фюрст
 Ритард Длинные Руки — курфюрст
 Ритард Длинные Руки — гротсфюрст
 Ритард Длинные Руки — ландесфюрст
 Ритард Длинные Руки — граиб
 Ритард Длинные Руки — князь
 Ритард Длинные Руки — эрцфюрст
 Ритард Длинные Руки — рейхсфюрст
 Ритард Длинные Руки — принц
 Ритард Длинные Руки — принц-консорт
 Ритард Длинные Руки — вице-принц
 Ритард Длинные Руки — эрцпринц
 Ритард Длинные Руки — куурпринц
 Ритард Длинные Руки — эрбпринц
 Ритард Длинные Руки — принц короны
 Ритард Длинные Руки — грандпринц
 Ритард Длинные Руки — принц-регент
 Ритард Длинные Руки — король
 Ритард Длинные Руки — король-консорт
 Ритард Длинные Руки — монарх
 Ритард Длинные Руки — штатс-пансер
 Ритард Длинные Руки — принц императорской линии
 Ритард Длинные Руки — император

Ритард Длинные Руки —
 Властелин Багровой Звезды Зла

Баллады
о Ричарде Длинные Руки

Гай Юлий Орловский

Первый том первого сезона

Властелин
Багровой Звезды Зла

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-66

Оформление серии *Андрея Старикова*

Серия основана в 2004 году

В оформлении переплета использован коллаж
художника *Вячеслава Коробейникова*

Орловский, Гай Юлий.

О-66 Ричард Длинные Руки. Первый том первого сезона.
Властелин Багровой Звезды Зла : [фантастический
роман] / Гай Юлий Орловский. — Москва : Издательство
«Э», 2017. — 384 с. — (Баллады о Ричарде Длинные Руки).

ISBN 978-5-699-94525-2

Наконец-то лавина закованных в стальные доспехи коней с грохотом копыт понеслась по земле страшного и чудовищно опасного Юга, проклятой страны магов, колдунов, волшебников и прочих чародеев, извечных врагов Святой Церкви.

Рыцари армии крестоносцев, опустив забрала, всматриваются на скаку в призрачные замки, где много добычи, где слава, богатство, титулы, роскошные женщины...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94525-2

© Орловский Г.Ю., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Часть первая

Глава 1

В тени деревьев рыцари и простые воины, потрясенные случившимся, ошалевшие, переводят дух, с трудом понимая и все еще не до конца веря, что да, победили.

Земля медленно впитывает пролитую кровь, на листьях травы страшно и зловеще блестят в лучах яркого солнца красные капли, медленно и тяжело сползая по сочным стеблям.

С металлическим грохотом, словно шагающая башня, приблизился сэра Растер, доспехи в два пальца толщиной, никакой топор не прорубит, сам в железе от шеи и до подошв, только шлем величаво покоится на сгибе левой руки, открывая квадратную глыбу головы.

— Сэр Ричард, — проревел он, — мы же доблестно погибли в кровавом бою на радость бардам и менестрелям? Значит, в рай?... а если недоблестно, то в ад?

Я смотрел с нежностью, он весь как из древнего камня, особо прочного, если верить слухам, в старину все было лучше, голова почти квадратная глыба, узкие щели глаз между массивными надбровными валами и высокими скулами, грубый нос, грубые губы и тяжелый

подбородок, сэр Растер рожден для подвигов, даже не представляю его с арфой в раю.

— Ну-ну, — подбодрил я, — а что беспокоит?

Он громыхнул тяжело:

— Но ведь погибли же?.. Но что-то не помню рая... интересно, в самом деле там все... поют хвалу Господу? А то у меня голос не очень... да и ада не увидел... Слышал еще, есть какое-то чистилище, вроде большой конюшни...

Я вскинул ладонь, останавливая такие же тяжелые размышлизмы, как и он сам.

— Дорогой друг, никто из нас не погиб. По-настоящему. Раньше вообще считали, что если человек перестал дышать, то уже мертв! Даже зеркальце прикладывали, смотрели, запотело ли... Представляете, сердце еще бьется, а человека считают мертвым! Ну не дурь ли?.. Потом люди поумнели, начали щупать сердце и ждать, когда перестанет биться.

Он кивнул.

— Да, это точнее. Но я чувствовал, как сердце перестает стучать!.. Потом все в глазах потемнело.

— И это еще не все, — сказал я бодро. — Утопленника можно вытащить и откачать, если утоп недавно, верно?.. И не дышит, и сердце не бьется! Так и с павшими. И дыхания уже нет, и сердце перестало биться, но мозг живет!.. И будет жить даже не знаю сколько. Может, десять минут, может, час, я не такой уж и лекарь, точно не знаю. И потому душа еще там сидит до-олго. Священники говорят, девять дней, но это загибают... В общем, никто из вас не умер...

— До конца?

— Вот-вот, — сказал я, — сэр Растер, вы мудер, как бобр!.. Крупный такой, как на знамени королевства Убелунгия. Сказано очень точно, словно руба-

нули своей неустрашимой секирой. А раз не умерли до конца, то какой рай, какой ад?.. Так что вас не воскрешали, а просто излечили... Соберите грехов побольше для следующего раза.

Он повеселел, расправил могучие плечи, в глазах заплясали грозы.

— Это да, — рыкнул он довольно, — это по-нашему!.. Спасибо за разъяснение, сэр Ричард. Удивительно, как много знаете. Нам повезло, что у нас такой вождь. Сразу от сердца отлегло. Ну, я пошел!

— Берегите себя, — велел я. — Маркус все еще опасен, а ваша мощь и отвага востребованы, сэр Растер!

Хрен он себя побережет, подумал я, глядя в его удаляющуюся спину, широкую, как ворота в замок. Для него позор и стыд, если кто-то опередит в бою.

Альбрехт в сторонке раздает указания своим васалам, все еще доверяет им больше, перехватил мой взгляд, тут же направился ко мне четкими шагами военного человека.

Доспехи сверкают, хотя придется поменять из-за глубоких зарубок, барон Альбрехт, теперь уже граф, отъявленный перфекционист, у него все должно быть самое лучшее, от перьев на щегольском шлеме до новеньких сапог.

Я ощутил на себе холодный взгляд его серых глаз, ясных и серьезных, недюжинный ум Альбрехта и умение быстро мыслить не теряются даже в пылу жарких схваток.

— Граф, рад вас видеть... Кстати, выигранную битву нужно, как это принято, отметить.

Он произнес ровным голосом:

— По методу сэра Растера?

— Не совсем...

— Уже отметили, — напомнил он, — когда спасли наши королевства. Да и чужие тоже. Здравствуйте, сэра Ричард.

Мне показалось, что хотел произнести «ваше величество», после победы над филигонами я, понятно, еще величественнее.

— Да, — согласился я, — но заметнее будет, если просыплется дождь из титулов и земель. Да, земель тоже. Так принято.

— Справедливое, — уточнил он, — перераспределение за счет тех, кто не явился на великую битву?

— Да...

От большой группы воинов донесся довольный рев. Слышно было, как, покрывая весь шум, загрохотал могучий голос сэра Растера, довольный, как у боевого коня, которому высыпали в кормушку целый мешок отборного овса:

— Теперь пир!.. Как же люблю такую жизнь, когда красивый бой, а потом красивый пир!

Альбрехт сказал тихонько:

— Любитель прекрасного, оказывается, наш сэра Растер. И возвышенного.

— Да, — пробормотал я, — пир... здесь и сейчас...

Он спросил еще тише:

— Что-то не так?

Я старался держать лицо радостным и исполненным если не величия, это пока получается хреново, то хотя бы уверенности. Вождь должен излучать уверенность, как бы ни чувствовал себя на самом деле, но Альбрехта так просто не обманешь, взгляд его серых глаз цвета закаленной стали всегда прям и проникает глубоко.

— Что не так? — повторил он. — Мы же спасли мир!

— И сделали его другим, — ответил я. — Хотя бы потому, что многие короли ушли в глубокие пещеры. Только через недели или месяцы начнут разбирать завалы и пробиваться на поверхность...

Его взгляд стал строже, а лицо потвердело.

— Ах да...

— Вот-вот.

— Трона им не видать, — уточнил он, — как своих ушей? Их дворцы и королевства захватят те, кого не взяли с собой, оставив на неминуемую гибель?

Я сказал быстрым шепотом:

— Потому надо ковать железо, пока горячо. Вы не забыли послание от императора Германа, что передала его личная доверенная?

Его глаза сузились, взгляд стал острым, как наколечник стрелы.

— Опасаетесь вторжения? Но разве теперь не готовы дать ему бой?

— Не знаю, — ответил я откровенно. — Но сейчас император, как и вообще все короли Юга, явно в своей норе!.. Да поглубже, поглубже. И будут там сидеть долго, пережидая, пока Маркус закончит перепахивать землю.

Он подумал, кивнул.

— И что вы задумали?

Я оглянулся по сторонам, сказал совсем тихо:

— Есть идея. Сумасшедшая, правда. Но разве мы не сумасшедшие?.. А что, если... вдруг найдем способ добраться до Юга достаточно быстро? Всей этой армией?

Он отшатнулся.

— Тьфу-тьфу, даже слушать такое страшно.

— Но если получится, — сказал я настойчиво, — какой выигрыш!.. Мы сможем взять всю южную империю без единого убитого!.. С нашей стороны, естественно,

чужие потери не в счет. Полагаете, император один ушел в пещеры? Наверняка с ним те, с кем надеется восстанавливать империю: королевские войска, военачальники, советники, жены и дети... Представляете?

Альбрехт, судя по напряженному лицу, обдумывал так и эдак, наконец пробормотал:

— Добыча просто невероятная... если, конечно, успеть до того момента, как полезут из нор. Можно сразу поставить стражу. Как только начинают вылезать — по голове дубиной и — обратно в яму!.. Нечего тут лазить, разлазились... Но, сэр Ричард... как?

— Маркус, — повторил я.

Он отступил на шаг.

— Ваше величество... это такая шутка? Маркус провалился сквозь землю, все видели.

— Надо проверить одну идею, — прошептал я азартно. — Эй вы, двое! Из отряда сэра Дарабоса? Отлично. Отыщите коней себе и сэру Альбрехту!.. Вам доверяю сопровождать мою императорскую особу.

Альбрехт буркнул:

— Императорская была до битвы с филигонами... А сейчас даже и не знаю...

Среди веселящихся военачальников Палант посмотрел поверх голов в нашу сторону, мы что-то очень серьезные среди такого ликования, раздвинул друзей и пошел к нам быстрыми шагами, весь в страшно изрубленных доспехах, без шлема, со слипшимися от уже застывшей крови волосами.

— Сэр Ричард, — сказал он почтительно, — сэр Альбрехт... Что-то случилось? Располагайте мною!

Я сказал все еще тяжелым голосом, но постарался, чтобы для Паланта он звучал победно:

— Мы сокрушили самого чудовищного противника в мире!.. Но сейчас в мире такое... Так что армию после

великой победы по домам, всем по большому прянику, а горстка останется завершать.

Альбрехт молчал, а Палант осторожно поинтересовался:

— Ваше величество... а что завершать?

— Начатое, — ответил я лаконично. — Или кажется, что уже все?

Он сказал с поспешностью:

— Нет, ваше величество! Сплю и вижу, как прилетит что-то еще страшнее! Так понравилось, когда меня убивают...

— Ну вот, — одобрил я, — значит, отдыхать не тянет, жаждетсЯ снова обагрить меч и услышать крики мертвецов?.. Сэр Альбрехт, запишите нашего беззаветно отважного сэра Паланта в передовой отряд десанта. Он будет счастлив столкнуться с превосходящими силами противника... Кто еще?.. А-а-а, сэр Гевекс, вижу, вижу!.. Вы даже побледнели от ужаса, что не замечу ваш пыл и жажду красиво умереть на поле брани. Еще раз умереть как-нибудь страшнее, чем в прошлый...

— Мы должны превосходить отцов своих, — подтвердил сэр Альбрехт голосом Растера, даже интонации скопировал, — и самих себя. А пока отдыхайте, сэр Палант, битвы еще предстоят, вы же знаете, под чье знамя встали!

Палант послушно вернулся к веселящимся друзьям, а мы прошли пешком почти милю, прежде чем нас догнал стук конских копыт. Испуганных коней, как понимаю, пришлось искать и ловить достаточно долго.

Альбрехту передали повод крупного жеребца в яблоках, а я свистнул, через мгновение от лагеря в нашу сторону понеслись две черные точки, что почти мгновенно превратились в Зайчика и Бобика, огромных и полных свирепой мощи.

Бобик попытался лизнуть меня в лицо, я отпихнулся.

— Брысь, предатель... От тебя Боудерией пахнет. Опять чесала и гладила?

Арбогастр фыркнул, подтверждая, что да, хотя собаки не предают, но какая из Бобика собака, какой-то пес непонятный и безродный.

Я поднялся в седло, колени ощутили жар и могучие мышцы этого зверя. Люблю чувство свирепой мощи, любителям держать хомячка в клеточке не понять лошадника.

Бобик ринулся вперед, конь Альбрехта идет рядом с арбогастром, но когда вдали наметился обрыв, мы видели, как Бобик там затормозил всеми четырьмя и резко остановился.

Не представляю, что чувствует Альбрехт, если даже у меня не просто беспокойно, а настоящий липкий страх в груди. Наконец он натянул повод и с тревогой посмотрел в мою сторону.

Не просто обрыв, а зеркально гладкая стена уходит далеко в стороны, загибается вперед и смыкается с такой же за несколько миль от нас.

Чудовищно широкий котлован, дна не видно, а послать коня к самому краю, чтобы заглянуть и увидеть дно, что-то не тянет.

Я тайком поскреб ногтем среднего пальца середину ладони, там в глубине запульсировало в ответ нечто теплое. Альбрехт помалкивает, ждет, лицо бесстрастное, но я тоже за несколько лет присмотрелся к нему и отчетливо вижу тщательно скрываемый испуг, которого не замечают другие.

Оба разведчика на легких конях вроде бы невзначай и очень деликатно, но постарались вклиниться между нами и опасным обрывом.

Бобик подошел к самому краю и, свесив голову, с интересом засмотрелся вниз.

— Скачите в лагерь, — велел я разведчикам. — Если там увидят что-то необычное здесь, передайте мой настоятельный приказ продолжать победный отдых!..

— У его величества, — уточнил Альбрехт, — все под контролем. Как обычно, хотя и не часто.

Один тут же повернул коня, второй сказал с беспокойством:

— Ваше величество, вам бы отодвинуться от края... Вдруг земля под копытами обвалится?.. Ваш конь... он тяжеловат.

— Ты прав, — ответил я коротко и заставил арбогастра попятиться от опасного обрыва. — А теперь скачите оба!.. Бобик, отойди, морда ушастая.

Альбрехт тоже отступил вместе с Бобиком, поглядывает с тревогой, а я сосредоточился на мысленном приказе этому таинственному Маркусу включить двигатели, какие бы они у него ни были, и начинать медленный, очень медленный подъем из продавленной им земли.

Глава 2

В ладони застучало чаще, ощутился жар. Я стиснул челюсти, терпел, в висках стрельнуло, и весь мир затянуло кровавой пеленой, в мозгу точно порвались какие-то сосуды, пронзило острой болью.

Я старался не поворачиваться к Альбрехту, да не увидит залитые кровью глазные яблоки, все тело наполняется расплавленным металлом, сцепил челюсти и не дышу, не выдать бы себя истошным воплем...

Целую минуту дикий жар разламывал череп и сжигал мозг, затем медленно пошел по телу вниз, воспламенил внутренности, превращая их в горелые ошметки, ноги заорали дикой болью, затем все ушло, только все тело дрожит мелко-мелко, продолжая что-то восстанавливать, регенерировать, возвращать в исходное состояние.

Альбрехт беспокойно задвигался, спросил сдавленным голосом:

— Ваше величество?.. Сэр Ричард?

Я просипел:

— Граф, не отвлекайте...

— Вам плохо?

— Я в трансе, — шепнул я и опустил верхние веки на глазные яблоки, куда словно сыпанули мелко растертым сухим порошком перца. — Медитирую... Интерфейс «мозг—машина»... или даже «мозг—компьютер» нащупываю...

— Ничего не понял, — ответил он обеспокоенно, — но не стойте так близко к краю.

Я послушно отступил на шаг, а следом из котлована пошла тугая волна разогретого воздуха. Горячую массу выдавливает наружу, как из гигантского поршня, Альбрехт потянул ноздрями, тоже ощутил запах горелой земли. Хотя это могут быть деревья, что Маркус сплющил и вдавил на глубины, а какие-то втер в стены.

Альбрехт тихохонько охнул, конь под ним беспокойно попятился, а Бобик отпрыгнул и зарычал.

Все трое то и дело косились в мою сторону, хотя тут же поворачивали головы в сторону котлована.

— Сэр Ричард, — сказал Альбрехт шепотом, — оно там поднимается!.. Вы... уверены?

Боль ушла совсем, только в ногах тяжесть, я ответил почти своим голосом:

— Нет... Но если получится... вы представляете...

— Нет. А вы?

— Тоже.

— Тогда как...

— Что-то просматривается, — сообщил я, — вроде рыбы в тумане.

— Большой?

— Левиафан перед такой вроде пескаррика.

На внутреннюю стену котлована снизу пал страшный багровый отсвет. С замиранием сердца смотрели, как поднимается все выше, призрачное багровое пламя выметнулось наружу и воспламенило низко проплывающее облачко, превратив из белоснежного барашка в пропитанную кровью повязку на голове раненого.

Появилась и быстро пошла вверх красная вершина купола, а в глубине угадывается эта блестящая красная гора металла, пугающе громадная и страшная в своей несокрушимости, похожая на литой панцирь бога размером с горный хребет.

— Маркус, — сказал я властно, хотя голосок в конце сорвался на мышинный писк, — остановись!

Тугой жар ударил в голову, я невольно взвыл, но Альбрехт не заметил, остановившимися глазами смотрит на вершину горы из красной стали, что замерла всего в ярде от края котлована.

Он шумно выдохнул, лицо белое, как мел, едва-едва прошептал:

— Сэр Ричард... это сумасшествие...

— Еще какое, — ответил я с дрожью, — хорошо, что я частенько вот так, не подумавши... Если бы подумал, ни за что бы... Маркус, пандус!.. В смысле, трап, трап!.. Сходни!